

В. Мау

Человеческий капитал: вызовы для России

Человеческий капитал выступает важнейшим фактором современного экономического роста, несомненным приоритетом социально-экономической политики. Однако признания этого факта недостаточно для качественного скачка в развитии образования, здравоохранения, пенсионной системы. Необходимы глубокие преобразования этих секторов на принципах, соответствующих современным (постиндустриальным) вызовам. К ним относятся индивидуализация оказываемых услуг, их непрерывный (востребованный на протяжении всей жизни) характер, приватизация (усиление роли частного финансирования), интернационализация конкуренции, появление принципиально новых технологических решений при оказании этих услуг.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование, здравоохранение, пенсионная система, социально-экономическая политика. *JEL:* E24, G23, H75, I15, I18, I25, I28.

Поиск национальных приоритетов

Длившаяся с самого начала посткоммунистической истории России дискуссия о национальных приоритетах близка к своему завершению. Сложился практически консенсус в понимании ключевой роли для страны секторов, связанных с развитием человека (человеческого капитала, человеческого потенциала).

Для нашего общественного сознания это огромный шаг вперед. Во-первых, сам по себе факт широкого общественного согласия по ключевому вопросу развития страны крайне важен для окончательного преодоления наследия полномасштабной революции, через которую мы прошли в конце XX в. Революция — это раскол по базовым ценностям, и для его ликвидации требуется продолжительное время — гораздо большее, чем для собственно радикальной революционной ломки системы.

Во-вторых, и это надо подчеркнуть особо, приоритетность человеческого капитала означает, что общество осознает постиндустриальный

Мау Владимир Александрович (rector@gane.ru), д. э. н., проф., ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

характер стоящих перед ним вызовов, то есть в поиске модели своего развития оно обращается не к прошлому, а к будущему. Действительно, еще не так давно предметом дискуссии относительно национальных приоритетов были в основном традиционные сюжеты прошлого века. Авиастроение, машиностроение, судостроение, электроника, сельское хозяйство и другие отрасли политики и экономисты называли приоритетами развития страны и, главное, приоритетами бюджетных расходов. Только в середине 2000-х годов внимание элиты сместилось на проблемы человеческого капитала. Прежде всего речь шла об образовании и здравоохранении, к которым позднее добавилась пенсионная система. Ключевая роль этих секторов в дальнейшем развитии России была впервые подробно обоснована Е. Т. Гайдаром в начале 2000-х годов (Гайдар, 2005). Инициированные в 2005 г. В. В. Путиным и Д. А. Медведевым «приоритетные национальные проекты» политически закрепили эту роль.

Этот вызов не специфически российский. Формирование современной, эффективной системы развития человеческого потенциала — актуальная проблема для всех наиболее развитых стран. Постиндустриальные вызовы и демографические проблемы привели к кризису традиционного «государства всеобщего благосостояния» и поставили перед многими странами задачу глубокой трансформации их социальной сферы. Сейчас, когда процесс старения населения приобрел устойчивый характер, а спрос на социальные услуги неуклонно возрастает, необходимо создать кардинально новую модель социального государства. Иными словами, Россия столкнулась не с проблемами кризиса сложившейся в советское время социальной системы, а с гораздо более глубокой проблемой кризиса индустриального общества. Поэтому поиск и создание новой модели социальной политики относятся не к области догоняющего развития, а к общей проблематике всех развитых стран, к числу которых по этому критерию принадлежит и Россия. Сам же крах советского строя стал результатом кризиса индустриальной системы с характерными для нее институтами социального государства (welfare state).

Поэтому поиск оптимальной модели развития человеческого капитала в минимальной мере может учитывать накопленный в мире опыт: эффективных систем, соответствующих современным вызовам, просто не существует. Более того, *страна, которая сможет сформировать современную эффективную модель развития человеческого капитала, получит огромное преимущество в постиндустриальном мире*¹.

¹ Строго говоря, поиск эффективного решения современных социальных проблем выступает важнейшим фактором решения собственно задач догоняющего развития. Такой подход лежит в логике представлений А. Гершенкрона, рассматривавшего саму отсталость как фактор ускоренного развития (Gershenkron, 1962). Суть этого подхода в том, что менее развитые страны могут позволить себе не повторять путь передовых, а использовать уже готовые технологии и институты последних. Применительно к современной ситуации можно предположить, что если Россия сумеет найти наиболее эффективные институты развития человеческого капитала (в условиях общего кризиса в этой сфере), то страна получит значительные сравнительные преимущества в решении задачи сокращения экономического отставания от наиболее развитых стран.

Согласно традиционному (индустриальному) пониманию, эти секторы сводятся к отраслям социальной сферы. При всей важности их социального аспекта в современных развитых странах отрасли человеческого капитала представляют собой зону переплетения и взаимодействия не только социальных, но и фискальных, инвестиционных и политических проблем. В отличие от ситуации конца XIX и большей части XX в., образование, здравоохранение и пенсионирование касаются всего населения (и как налогоплательщика, и как потребителя соответствующих благ), причем демографический кризис только обостряет ситуацию. В результате рост отчислений на развитие этих отраслей становится существенной проблемой для государственного бюджета и может подорвать финансовую стабильность любой развитой страны. Кроме того, отчисления на указанные цели носят долгосрочный характер, то есть в значительной мере формируют инвестиционные ресурсы нации. Наконец, от эффективности функционирования этих секторов зависит политическая и социальная стабильность общества с доминированием городского населения.

Развитие человеческого капитала предполагает решение как финансовых, так и структурных проблем. Финансовые ориентиры можно измерить, сравнивая расходы в России и странах сопоставимого или более высокого уровня экономического развития, в частности странах ОЭСР. Россия расходует меньше, чем в ОЭСР, на образование примерно на 1,5—2, а на здравоохранение — на 3—4 п. п. ВВП.

Для развития человеческого капитала необходимо решить две группы проблем: с одной стороны, найти возможность выделить дополнительные бюджетные ресурсы на поддержку работников соответствующих отраслей и групп населения; с другой — осуществить структурные реформы в этих секторах. Две названные группы действий неотделимы друг от друга. Было бы политически опасно и экономически неэффективно решать одну задачу, игнорируя другую. Однако при этом возникают существенные риски.

Повышение зарплат врачей и учителей, инвестиции в оборудование и другие подобные финансовые меры выступают важной предпосылкой решения ряда назревших проблем, но этого недостаточно. Качество образовательных и медицинских услуг связано не столько с уровнем оплаты труда работников этих секторов, сколько с повышением эффективности функционирования соответствующих систем. Поэтому не желательно, чтобы реформа социального сектора завершилась повышением бюджетных расходов, то есть если первый шаг окажется единственным.

Рост финансирования без структурных реформ может дать даже отрицательные результаты. Повышение зарплаты приведет не к обновлению персонала, а к консервации кадров, сохранению тех врачей и учителей, которые давно потеряли квалификацию и не станут лучше лечить и учить, даже если им поднять зарплату в 100 раз. Увеличение расходов на оборудование часто приводит лишь к тому, что его закупают по завышенным ценам и не то, которое действительно необходимо для больниц и лабораторий. (Аналогично, увеличение финансирования жилищного строительства при нынешнем уровне монополизации рынка строительных услуг ведет к росту цен и обогащению локальных монополистов.)

Таким образом, увеличение финансирования секторов человеческого капитала в 2000-е годы было только первым и не самым важным шагом на пути их подъема. *Прежде всего необходимы институциональные реформы, а за ними должны следовать и деньги. Это первый принцип формирования современной модели развития человеческого капитала.*

Современные особенности отраслей человеческого капитала

Однако недостаточно указать на приоритетность институциональных аспектов развития человеческого капитала по отношению к финансовым. Необходимо охарактеризовать особенности функционирования этих отраслей, присущие современному постиндустриальному обществу. Иными словами, не существует универсальных решений не только в экономической, но и в социальной сферах. Конкретные решения зависят как от уровня развития общества (его среднедушевого ВВП), так и от доминирующей в мире социально-экономической парадигмы.

Характер институциональных проблем отраслей человеческого капитала в современной России примерно соответствует проблемам, с которыми сталкиваются развитые страны, несмотря на заметно более низкий уровень среднедушевого ВВП в нашей стране. В значительной мере такая ситуация связана с наследием советского периода: демографическое, репродуктивное и гендерное поведение в зрелой советской системе стало воспроизводить стандарты развитых стран¹.

Можно выделить пять характерных черт (принципов функционирования) этих отраслей, которые необходимо учитывать при осуществлении их структурной модернизации. Они отражают особенности современных технологий: их динамизм (быстрое обновление) и углубляющую индивидуализацию технологических решений.

1. *Непрерывный характер услуги.* В прошлом образование было во многом функцией возраста — человек до определенного возраста учился, а затем работал. Со здравоохранением имели дело только больные. Теперь же люди учатся и общаются с врачами на протяжении всей своей жизни. Понимание работы и пенсии тоже существенно трансформируется. Снижение роли крупного производства и усиление роли сектора услуг в сочетании с отказом от такого советско-индустриального реликта, как уголовное наказание за туеядство, размывают понятие пенсии и тем более возраста прекращения (или не прекращения) работы.
2. *Все более индивидуальный характер услуги.* Человек все чаще будет выбирать собственные образовательные траектории и механизмы поддержания здоровья из множества предлагаемых образовательных и медицинских услуг. Нетрудно заметить, что и пенсионный возраст все больше становится предметом индивидуального решения — когда человек может и хочет прекратить свою производственную деятельность. Применительно к пенсионной системе это означает существенную диверсификацию форм поддержки старших возрастов.

¹Эта особенность советской модели развития рассмотрена в книге Е. Т. Гайдара (1997).

1. *Все более глобальный характер услуги.* Образовательные и лечебные учреждения конкурируют не с соседними школами и больницами и даже не с соответствующими заведениями в стране, а во всем мире. Разумеется, этот выбор могут позволить себе не все, но по мере роста благосостояния людей и реального удешевления соответствующих услуг и транспорта в глобальную конкуренцию будет включаться все больше людей. А наличие личных сбережений в условиях глобальных финансов позволяет пенсионеру все меньше зависеть от пенсионной системы своей страны.
2. *Повышение роли частных расходов на развитие человеческого капитала* (естественным образом вытекает из предыдущих трех особенностей). Первые три перечисленные характеристики означают расширение возможностей людей покупать необходимые им услуги. Следовательно, роль и доля частного спроса будут расти, все больше опережая объем государственных расходов в соответствующих секторах. Частные платежи или соплатежи — не только естественное, но и неизбежное следствие технологической модернизации секторов и роста благосостояния населения. Рост частных расходов связан и с тем, что дальнейшее увеличение государственных расходов натолкнулось к концу XX в. на естественную преграду: больше собирать налогов было нельзя, а потребности населения в услугах социального характера продолжали (и продолжают) расти по мере общественного прогресса.
3. *Повышение роли новых технологий*, радикально изменяющих характер оказываемых услуг. По мере развития информационнокоммуникационных технологий и транспорта традиционные формы лечения и образования будут все больше уходить в прошлое. Это касается и организационных инноваций.

Необходимо учитывать все названные особенности, поскольку они формируют основу не только модернизации отраслей человеческого капитала, но и экономической и политической модернизации всей страны, включая ее технологическую базу. Их игнорирование создает риски консервации и усугубления отставания социально-экономического развития России от развитых стран.

Глобализация резко обостряет конкуренцию, в том числе институциональную на рынке человеческого капитала. В посткоммунистической России многие считали, что уровень развития человеческого капитала у нас высокий, особенно это касается качества отечественного образования и здравоохранения. Нередко утверждали, что уровень развития человеческого капитала у нас выше, чем экономического развития.

Согласно данным таблицы, ситуация не столь оптимистична. Если исходить из рэнкинга экономического и социального развития, то по уровню конкуренции образование и здравоохранение примерно соответствуют уровню среднедушевого ВВП, однако индикатор качества (результативности) здравоохранения (продолжительность жизни) резко снижается. Исправление такой ситуации — нетривиальная задача.

Дело в том, что для формирования развитой системы современного образования или здравоохранения нужен спрос на качественную услугу в этих секторах. Так они и развивались до недавнего времени.

Таблица

Показатель	Уровень экономического развития и качество институтов
ВВП на душу населения	50
Конкурентоспособность экономики (ВЭФ)	65
Конкурентоспособность высшего образования	50
Конкурентоспособность здравоохранения	63
Продолжительность жизни	150 (135–161)
Медицинские расходы на душу населения	70
Качество институтов	118
Коррупция	154
Индекс человеческого развития	65

отдельные показатели социально-экономического развития (рэнкинг)

Однако теперь взрывное развитие коммуникаций и связи резко снизило транзакционные издержки перехода от национальной системы соответствующих услуг к глобальной. Сейчас гораздо легче, чем 20 лет назад, поехать в любой университет (если человек способен сдать экзамены) и в любую клинику. Это стоит денег, но с экономическим ростом будет расти и благосостояние россиян, которые, как показывает опыт, готовы инвестировать в себя — в свое образование и здоровье.

Но если платежеспособный спрос на высококачественные услуги сосредоточивается в иностранных учебных и лечебных заведениях, то страна лишается возможности повышать качество собственных услуг в этих секторах, хотя бы потому, что сюда будут приезжать те, у кого дома качество образования и здравоохранения еще хуже. Тем самым спрос на качественные услуги будет ограничен, значит, ограниченным будет и их предложение. Таков главный стратегический вызов развитию отраслей человеческого капитала, да и перспективам российской модернизации вообще.

Отсюда следует *второй принцип формирования современной модели развития человеческого капитала: модернизация страны требует не восстановления советской модели социального сектора, не «возвращения к истокам», а формирования качественно новой модели функционирования человеческого капитала, контуры которой мы только начинаем осознавать.*

Проблемы профессионального образования

В России принято гордиться уровнем образования. Оно действительно неплохое, а по меркам среднеразвитой страны, только что осуществившей индустриализацию, оно было даже хорошим³.

³ Идеализация традиционной, сформировавшейся в условиях индустриализации, системы профессионального образования — не исключительно российская черта. Вот как пишет об этом Х. Зиберт: «Немецкая университетская система, привлекавшая в XIX веке иностранных студентов и ученых... сегодня оставляет желать много лучшего... Мне очень хотелось бы получить результаты обследования, сколько сыновей и дочерей немецких политиков, рьяно защищающих статус-кво нашей системы высшего образования, зачислены в элитные университеты США и Великобритании» (Зиберт, 2003. С. 191).

Опираясь на опыт XX в. и веру в универсальность советской модели, ее сторонники видят два коренных недостатка в сложившейся к настоящему времени модели профессионального образования: во-первых, избыток специалистов с высшим образованием при недостатке среднего технического персонала; во-вторых, неспособность готовить востребованных специалистов, причем востребованность измеряется количеством выпускников вузов, которые после его окончания стали работать по специальности. Формально оба тезиса справедливы, хотя, как нередко бывает с очевидным фактом, это уводит от реальных проблем, а не способствует их осмыслению и разрешению.

Прежде всего, современное образование непрерывное и всеобщее, и задача университета в том, чтобы дать человеку возможность учиться на протяжении всей жизни. Идеал советской трудовой модели — человек, окончивший вуз, работающий по специальности и имеющий одну единственную запись в трудовой книжке, — в настоящее время не только не предел желаний для него, но и не желательная норма поведения для общества и государства. За пять—шесть лет получения высшего образования появляется немало профессий, которых на момент поступления в вуз просто не существовало.

Динамизм современной экономики, в которой постоянно возникают новые сферы деятельности и профессии, обуславливает необходимость постоянного изменения квалификации, непрерывного образования и адаптации к новым вызовам. Человек, не способный постоянно учиться, оказывается в стороне от прогресса и не может считаться успешным. Всем, кто призывает оценивать вузы по количеству выпускников, работающих по специальности, достаточно провести мысленный эксперимент и ответить на вопрос: сколько профессионально успешных и известных людей работают по специальности? Вряд ли таковых много.

Качественно новые вызовы, стоящие перед современной системой профессионального образования, требуют его серьезной институциональной модернизации.

Обеспечение непрерывности образования. Вузы из места для обучения молодых людей — после средней школы или армии — постепенно превращаются в заведения, предлагающие профессиональное образование для всех возрастов. Конечно, и в прошлом в университетах были программы дополнительного образования (профпереподготовки и повышения квалификации — так сказать, «программы для взрослых»), но они играли вторичную роль по отношению к собственно высшему образованию. Теперь структура университетских программ должна становиться гораздо более сбалансированной — и по возрастной структуре, и по разнообразию предлагаемых программ.

В этом отношении появление двухуровневого образования (бакалавриата и магистратуры) отвечает требованиям времени, позволяя уточнять специализацию еще в период обучения в университете. Однако эта линия должна быть продолжена в виде различных программ поствузовского образования, имеющих государственное признание.

Сближение и переплетение программ различного уровня не означает игнорирования различий в возрасте и опыте обучающихся.

При формировании программ и отборе слушателей важно различать программы для людей без производственного (и жизненного) опыта — pre-experienced и с опытом — post-experienced. В некоторых случаях это достаточно очевидно: скажем, бакалавриат не предполагает наличия опыта, а для поступления на программы бизнес-образования или переподготовки госслужащих он необходим. Но для ряда программ (например, в магистратуре) требование опыта не столь очевидно, однако учет этого фактора существенно влияет на их содержание. Так, для слушателей с жизненным (производственным) опытом в образовательном процессе важно общение не только с преподавателем, но и с другими участниками учебной группы. Качество образования на программах продвинутого уровня в большой степени зависит от подбора ее участников.

Всеобщее высшее образование. Еще одна особенность постиндустриального общества — всеобщий спрос на высшее образование. Естественно, образование не может угнаться за спросом, удовлетворяя его не только количественно, но и качественно. Отсюда быстрый рост вузовского образования за счет ухудшения его качества. В то же время нельзя сказать, что за последние 20 лет оно в России в целом ухудшилось. Хорошего образования, хороших университетов осталось примерно столько же — какие-то сохранили свои позиции, какие-то деградировали, но появились новые лидеры. В стране есть возможности учить очень хорошо примерно 30—40% выпускников школ, как в эпоху развитого социализма. Но в вузы сейчас поступает более 100% закончивших школу — и, естественно, в результате резко снижается среднее качество образования.

Значит ли это, что необходимо ограничивать количество вузов? Если люди хотят получить диплом о высшем образовании, у них должна быть такая возможность. Однако профессиональное сообщество и рынок труда также нуждаются в инструментах оценки качества специалистов. Нельзя сказать, что их не существует — работодатели прекрасно знают, выпускники каких вузов чего стоят. К этому в ряде отраслей надо добавить профессиональный экзамен, выведенный за рамки самого вуза.

Смягчению давления на университетское образование со стороны массового спроса может способствовать прикладной бакалавриат. Речь идет об интеграции среднего профессионального образования в университетское. Эта мера не должна быть универсальной, но с учетом всеобщего спроса на высшее образование не следует отвергать возможность интеграции части техникумов в университеты. Такой бакалавриат призван давать прикладное профессиональное образование (близкое к профессиональному колледжу), не требующее фундаментальных знаний, однако его программы должны проводиться в рамках университета и быть частью вузовской программы, позволяющей в дальнейшем продолжить образование.

В исследованиях последнего времени обращают внимание на социально-политические риски всеобщего высшего образования, связанные прежде всего с завышенными карьерными и профессиональными ожиданиями многочисленных выпускников вузов, которые не соответствуют полученной квалификации. Пока еще трудно оценить, насколько дестабилизирующим окажется этот фактор, однако появление прикладного бакалавриата могло бы смягчить потенциальную напряженность.

Интернационализация образования. Хорошие российские университеты находятся в конкурентной среде, причем это глобальная, а не национальная конкуренция. Вузы конкурируют и за студентов, и за преподавателей. Это принципиально новое обстоятельство российской университетской жизни, к которому еще предстоит привыкнуть. Хороший советский вуз всегда мог выбирать и студентов, и преподавателей. Студентов привлекал бренд, преподавателей — бренд и зарплата. Сейчас ситуация коренным образом изменилась.

Три фактора — демографические тренды, открытость страны и заметный рост благосостояния — ограничивают приток студентов в российские вузы. Потенциальные студенты и слушатели могут выбирать на глобальном рынке и реально делают такой выбор. Это касается и собственно университетского образования, и разного рода дополнительных программ: крупные российские фирмы все чаще стимулируют своих сотрудников проходить обучение в зарубежных (западных) бизнес-школах. Аналогично разворачивается конкуренция за профессоров, способных преподавать и вести исследования на мировом уровне.

Реагируя на вызовы глобализации, российские вузы сначала пошли по пути импорта образования — стали реализовывать программы иностранных партнеров, предлагая в некоторых случаях их дипломы или сертификаты. Это был естественный первый шаг, аналогичный, кстати, логике формирования отечественного бизнеса.

Однако вместе с экономической и политической стабилизацией возник другой, более сложный и важный вопрос: способны ли российские университеты заниматься экспортом образования, то есть привлекать иностранных студентов, быть удобной площадкой для исследовательской работы зарубежных ученых? Известно, что доля российских вузов на международном рынке образовательных услуг невелика — порядка 2—3%, причем китайские университеты уже обходят Россию по этому показателю.

Для усиления позиций страны на этом рынке необходимо прежде всего расширять использование английского языка, который по факту стал уже глобальным, особенно в науке, и становится таким в образовании. В Советском Союзе привлечение иностранных студентов предполагало их предварительное обучение русскому языку. В настоящее время для укрепления позиций российского образования в мире требуется неуклонное и существенное расширение программ, преподаваемых на английском языке.

Разумеется, внедрение англоязычных программ не может быть искусственным и примитивным. Странной выглядит ситуация, когда и преподаватель, и все студенты русскоговорящие, но общаются по-английски. В аудитории должна быть критическая масса людей, не

⁴ Вопросы экспорта образования в последнее время начали привлекать внимание отечественных исследователей (см.: Галичин и др., 2009; Агранович и др., 2010; Беляков и др., 2011).

говорящих по-русски. Однако для их привлечения программу нужно предлагать на английском. К этому надо добавить формирование интернациональной среды в вузах, включая двуязычное оформление внутреннего пространства (указатели, объявления и т. п.).

Специальных усилий требует привлечение иностранных ученых. Отчасти этому способствует предоставление грантов российского правительства. Однако этого мало: университеты должны находить в своих бюджетах средства для создания кафедр и лабораторий ученых с глобальной репутацией. Понятно, что проблема не только (и даже не столько) в деньгах — необходимо иметь интеллектуальные мотивы для проведения исследований в России и с российскими коллегами. Предложить соответствующие аргументы — не простая задача для российского университета.

Интеграция науки и образования. В современных условиях важно преодолеть характерное для советской системы жесткое разделение на вузы и НИИ. С учетом быстрого обновления знаний и технологий такое разделение становится не только искусственным, но и контрпродуктивным. Университет — место, где занимаются исследованиями, и только поэтому здесь еще и учат. Университет без исследований — это техникум или community college.

Индивидуализация образования. В настоящее время налицо усиление индивидуальных траекторий в образовании. Индивидуальные предпочтения проявляются не только и даже не столько в выборе учебного заведения, сколько в индивидуализации его программ. Граждане и корпорации предъявляют свои, специфические требования к компетенциям, которые должны предоставить высшие учебные заведения.

Индивидуальный подход в наше время не приводит к выработке единственной уникальной программы для каждого человека, хотя и это возможно. Личная образовательная программа складывается как комбинация большого числа модулей, предлагаемых образовательным учреждением. Именно возможность выбора из них становится важным шагом на пути формирования индивидуальной образовательной траектории.

Набор модулей позволяет комбинировать программу не только во времени, но и в пространстве. Во-первых, прохождение учебных курсов можно растягивать, перемежая с практической работой, и уточнять требуемые модули в зависимости от производственных задач. Во-вторых, отдельные модули можно получать в других университетах, в том числе зарубежных. Собственно, на это и нацелен Болонский процесс в образовании. Следовательно, помимо индивидуализации траекторий необходима определенная международная координация университетских программ, позволяющая засчитывать курсы одного университета для получения степени в другом. Международная аккредитация и взаимное (двустороннее и многостороннее) признание университетских курсов становятся условием дальнейшего развития профессионального образования.

6. *Финансовая модель — усиление роли частных инвестиций* (корпораций и физических лиц). Непрерывное, индивидуализированное и глобальное образование повышает роль частных доходов в этом секторе и соответственно частных (личных) расходов при формировании образовательной стратегии человека. Усиление платности образования принято связывать с посткоммунистической трансформацией, сопровождавшейся тяжелым бюджетным кризисом. На самом деле произошло наложение двух кризисов — бюджетного и системного. Недаром преодоление бюджетного кризиса 2000-х годов не привело к ослаблению роли частных денег в развитии образования. Напротив, поток средств от граждан и корпораций в образование усиливается.

Естественно, средства направляются не только в традиционные секторы образования (среднее и высшее), но и в новые формы поствузовского (профессионального) образования.

7. *Новые технологии.* Современное образование будет все больше отходить от традиционной формы передачи знаний в виде пассивного слушания лекций и сдачи экзаменов. Изменения связаны с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий и, по-видимому, будут происходить в двух направлениях.

С одной стороны, повышается роль активных методов образования, обеспечивающих эффективность освоения знаний и усиливающих их практическую направленность. Имеются в виду разного рода тренажеры, симуляторы, кейсы и особенно проектная работа.

С другой стороны, возрастает роль самостоятельного прохождения программ в режиме онлайн. В настоящее время ведущие университеты стали активно выкладывать свои программы в Интернете в свободном доступе, предлагая всем желающим изучать их в качестве потенциальных будущих слушателей. Разумеется, это не означает возможности получать (то есть продавать) дипломы по Интернету, речь идет о стимулировании интереса к освоению новых программ и приглашении новых клиентов вуза к работе с ним.

8. Наконец, применительно к конкретным российским условиям для повышения качества профессионального образования необходимо *отказаться от всеобщей воинской обязанности*. Призыв в армию серьезно искажает ситуацию на рынке образования. Этот фактор стимулирует дополнительный спрос на высшее образование, причем низкого качества. Всеобщая воинская обязанность противоречит вызовам постиндустриальной экономики и постиндустриальной демографии, оказывая деформирующее воздействие и на профессиональную мотивацию, и на рынок труда. Этот вопрос требует отдельного анализа. В данном случае заметим лишь, что если бы Билл Гейтс должен был, чтобы избежать армейской службы, доучиваться в университете, а потом писать никому не нужную диссертацию в очной аспирантуре, то в мире, наверное, появился бы еще один неплохой инженер или даже профессор, но не было бы компании Microsoft.

Современное здравоохранение

В России всегда доверяли государственному университету, но частному врачу. Именно поэтому, сталкиваясь с ситуацией оплаты услуг врача, российский гражданин относится к этому более терпимо, чем к платному образованию⁵. Стремление не экономить на здоровье растет по мере повышения экономического благосостояния и общей культуры общества.

При обсуждении принципов функционирования и реформирования современного здравоохранения можно выделить две ключевые особенности (и одновременно проблемы), которые надо принимать во внимание: во-первых, быстро растущий интерес образованного человека к состоянию своего здоровья; во-вторых, асимметрия информации. Эти проблемы взаимосвязаны и обуславливают одна другую. По мере роста благосостояния и образования ценность человеческой жизни неуклонно возрастает, и человек готов заниматься своим здоровьем не только, когда он заболевает. Тем самым спрос на медицинские (и медицинско-профилактические) услуги существенно растет. В то же время современный образованный человек перестает видеть во враче носителя сакрального знания и, как правило, хочет понимать рекомендации, которые ему дают, готов контролировать врача и тем самым частично нести ответственность за результаты своего лечения.

С практической точки зрения такая ситуация должна вести к повышению открытости системы здравоохранения, усилению конкуренции врачей и медицинских учреждений. Это, в свою очередь, требует отказа от прикрепления пациента к одному лечебному учреждению и обеспечения возможности выбора между врачами в рамках одного учреждения и между лечебными учреждениями. Естественно, в предельном случае возможны выход за национальные границы и выбор между врачами (и учреждениями) разных стран.

На практике так и происходит. Люди, имеющие определенные средства, стремятся получать медицинскую услугу в глобальном пространстве, выбирая наиболее устраивающих их специалистов. С учетом значимости здравоохранения для постиндустриального человека возможность получить качественную медицинскую услугу будет занимать все более приоритетное положение в системе ценностей среднего класса, то есть глобальный спрос будет только расти.

При выработке правил и принципов организации системы здравоохранения эти тенденции необходимо учитывать. Среди важных шагов в формировании современной системы здравоохранения можно выделить следующие.

1. Прежде всего нужно создать условия для *развития конкуренции* между врачами и между лечебными учреждениями. Для нашего общества это принципиально новая постановка, поскольку традиционный советский подход состоял в прикреплении пациента к поликлинике при ограниченном доступе к информации о состоянии собственного здоровья. (Люди старших поколений помнят, что медицинскую карту было запрещено выдавать пациенту на руки.) Между тем «отвязка» клиента от лечебного учреждения, возможность обратиться к разным специалистам и иметь полную информацию о состоянии своего

¹Первый советский нарком здравоохранения Н. А. Семашко считал, что врачам много платить не надо, поскольку «хорошего врача прокормит народ, а плохие нам не нужны» (см.: Шишкин и др., 2004. С. 7).

здоровья — важная мера, направленная на преодоление асимметрии информации. Попытки ограничить конкуренцию на рынке медицинских услуг будут выталкивать платежеспособный спрос за пределы страны, заставят граждан все активнее обращаться в зарубежные лечебные заведения.

На сказанное можно возразить банальным тезисом об опасности самолечения. Но речь в данном случае идет не о нем, а о возможности активно и сознательно участвовать в контроле за состоянием своего здоровья и нести за него ответственность.

2. Важнейшим условием преодоления асимметрии информации станет *универсальная электронная медицинская карта*. Человек должен иметь возможность обращаться к разным врачам, не повторяя уже проведенных обследований или, по крайней мере, минимизируя их. Это достаточно сложная в техническом отношении задача, поскольку необходимо обеспечить совместимость носителей информации и разных видов медицинского оборудования. Проект непростой и капиталоемкий, но достойный инвестирования. В перспективе данный процесс выйдет на глобальный уровень, поскольку электронная карта должна читаться в клиниках всех развитых стран.

Иметь такую карту — не обязанность, а право гражданина. Именно поэтому здесь вполне допустимы платежи: если человек хочет быть обладателем электронной карты, он должен оплачивать ее выпуск и поддержание.

3. Еще один фактор обеспечения конкуренции — *постепенное усиление страховых принципов организации медицины*. Речь идет о полноценном страховании, в рамках которого страховые фирмы конкурируют за клиента, а не о нынешней ситуации, когда страховщики обслуживают прохождение бюджетных платежей. Вряд ли этот рынок у нас полностью сформируется, если не открыть его для иностранных страховых фирм. Развитие реальной страховой медицины снимет вопрос о допустимости соплатежей частных лиц⁶.

4. Вопрос о *соотношении государственного и частного финансирования здравоохранения* нуждается в отдельном обсуждении. Традиционное (хотя и не сформулированное официально) понимание состоит в том, что государство должно обеспечить массовую медицинскую помощь, а сложные (и дорогостоящие) методы лечения требуют специальной процедуры финансирования и, как правило, софинансирования граждан. Между тем не следует пренебрегать противоположной логикой: массовое здравоохранение с простыми случаями заболеваний вполне может быть предметом частных расходов семей (или частного медицинского страхования), а тяжелые случаи, требующие вмешательства высококвалифицированных специалистов (включая иностранных) и сложного оборудования, должны быть сферой ответственности государства (государственного бюджета). На таких принципах функционирует, например, система здравоохранения Сингапура.

⁶ «В условиях развитого индустриального общества, предъявившего высокий спрос на услуги здравоохранения, неизбежным оказывается широкое распространение частных платежей за эти услуги» (Гайдар, 2005. С. 578).

5. Государство должно сосредоточить внимание на *создании медицинских учреждений и школ, способных конкурировать на глобальном рынке*. Критерием успешности клиники должно быть не наличие высокотехнологичного оборудования, а число иностранных пациентов, желающих в ней лечиться и соответственно готовых платить свои деньги за ее услуги. Такие учреждения надо создавать, стимулируя приток в них платежеспособного спроса и отечественных пациентов.

Этот подход можно считать элитарным, противоречащим принципам социальной справедливости. Однако на практике именно элитные учреждения могут стать «локомотивами», стимулирующими повышение общего уровня здравоохранения в стране. Создание такого рода элитных центров должно быть и частью стратегии Москвы и некоторых других ведущих городов страны, особенно университетских центров. Появление подобных учреждений стало бы фактором инновационного развития регионов.

6. Наконец, специального внимания заслуживает развитие технологий, обеспечивающих *индивидуализацию медицинского обслуживания*. Тренд развития медицинской науки и технологий свидетельствует о появлении в обозримом будущем индивидуализированных лекарств, что будет означать коренную трансформацию всей системы организации здравоохранения.

Перспективы пенсионной системы

Состояние и перспективы развития пенсионной системы — один из ключевых вопросов современной экономической и политической дискуссии как в России, так и в большинстве развитых стран. Действительно, от состояния пенсионной системы зависит социальная, политическая и экономическая стабильность общества. Пенсионеры — устойчивый электорат, как правило не игнорирующий выборы. Пенсионные фонды — источник инвестиционных средств. Пенсионные расходы составляют серьезную статью государственного бюджета и существенно влияют на возможности его балансирования. Иными словами, здесь переплетаются фискальные, инвестиционные, социальные и политические проблемы любой развитой страны.

Как и две рассмотренные выше социальные области, пенсионная система в постиндустриальном обществе должна качественно отличаться от традиционной модели пенсионирования — и по масштабам решаемых задач, и по ожиданиям населения. При формировании современной пенсионной системы надо найти ответы на несколько сложных вопросов.

Во-первых, каковы источники пополнения Пенсионного фонда, как обеспечить его сбалансированность? С точки зрения пополнения это вопрос ставок отчислений в Пенсионный фонд; с точки зрения расходования средств это прежде всего вопрос пенсионного возраста.

Во-вторых, что такое сам пенсионный возраст — не только как чисто финансовый феномен, но и как проблема социальной справедливости? С какого возраста можно и нужно оставлять работу, каким должен быть трудовой вклад для получения достойной пенсии? Сторонники повышения пенсионного возраста, помимо финансовых факторов, отмечают более позднее в среднем начало трудовой деятельности (в связи с удлинением сроков получения образования) и постепенный рост продолжительности жизни. Противники указывают на низкую продолжительность жизни по сравнению с развитыми странами и на важность сохранения социальных завоеваний советского прошлого.

В-третьих, что означает понятие «достойная пенсия»? Как добиться того, чтобы уход на пенсию не означал резкий спуск вниз по социальной и доходной лестнице, особенно по сравнению с тем, что человек только что зарабатывал? Иными словами, это вопрос о том, можно ли прожить на пенсию и сохранить свой социальный статус.

В-четвертых, возникла особая проблема старших пенсионных возрастов, решение которой не сводится только к размерам денежных выплат.

И, наконец, в-пятых, необходимо определить будущее пенсионной системы — ее долгосрочную, стратегическую модель.

Все перечисленные вопросы тесно взаимосвязаны. Однако ответы на них находятся в различных плоскостях и должны даваться отдельно.

Идущая в настоящее время дискуссия почти целиком посвящена повышению пенсионного возраста — темы, конечно, интересной и социально острой, но не самой болезненной и актуальной. Она не самая болезненная, поскольку никто не собирается повышать пенсионный возраст тем, кто приближается к пенсии, — речь идет о гораздо более молодых людях. Тема не самая актуальная, поскольку политически приемлемое повышение пенсионного возраста не решает фискальной задачи — балансирования Пенсионного фонда, лишь немного смягчая ее напряженность.

Сбалансированность Пенсионного фонда — важная проблема с точки зрения обеспечения общей макроэкономической устойчивости, однако это не специфическая пенсионная проблема. Пенсионный фонд в его нынешнем виде чисто технически отделен от федерального бюджета. Целесообразно его рассматривать как часть бюджета, и тогда расходы фонда должны (могут) покрываться за счет не только пенсионных отчислений, но и других (налоговых) поступлений. Во всяком случае, это будет справедливо в той мере, в какой основу нашей пенсионной системы составляет солидарность поколений — принцип, согласно которому работающие платят за неработающих.

Балансирование Пенсионного фонда путем повышения пенсионного возраста — путь возможный, но неэффективный. Повышение пенсионного возраста в политически допустимых пределах (максимум на пять лет) не решает, а лишь смягчает проблему дефицита фонда, причем только в краткосрочной перспективе. К тому же речь идет о балансировании при сохранении нынешнего, весьма невысокого уровня пенсий, а отнюдь не об их увеличении до уровня, при котором уход с работы не означал бы радикального снижения благосостояния человека.

Еще одним решением может быть существенное увеличение трудового стажа, при котором начисляется полноценная пенсия, в отличие от минимальной социальной пенсии. Здесь предлагают увеличить стаж с нынешних 5 до 20 лет. Это решение представляется справедливым, однако и оно не будет иметь значимых последствий с точки зрения финансовой сбалансированности⁷.

Обсуждение вопросов финансовой устойчивости и справедливости отвлекает внимание от других, стратегических вопросов — относительно пенсионной системы будущего. Дискуссия, по сути, идет вокруг тем и реалий предшествующих 100 лет существования пенсионной системы, хотя за последние четверть века в экономической и социальной структуре развитых стран произошли коренные изменения, которые требуют принципиально нового подхода к решению задач пенсионной системы.

Традиционная пенсионная система была создана в период трансформации аграрных обществ в индустриальные и предназначалась для поддержки выработавших свой ресурс индустриальных наемных рабочих, оторванных от земли и не имевших иного источника существования, помимо заработной платы.

Современная пенсионная система, основанная на принципе «работающий платит за неработающего», возникла в Германии при канцлере Отто фон Бисмарке, когда в 1889 г. в ответ на рост социалистических настроений он предложил установить государственную пенсию с 60 лет, хотя средняя продолжительность жизни составляла тогда 45 лет. Аналогично, когда пенсионное обеспечение в Великобритании вводил Ллойд Джордж в 1908 г., эти цифры были соответственно 55 и 45 лет. Установление пенсионного возраста в СССР в 1930-е годы (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) предполагало те же «правила игры» — средняя продолжительность жизни тогда не превышала 45 лет.

По сути, это была небольшая премия для горстки людей, доживших до пенсионного возраста. Кроме того, пенсия не распространялась на сельских жителей, а они составляли большинство населения: считалось, что крестьяне кормятся от земли и живут в больших семьях, в которых трудоспособные поколения поддерживают пожилых. Словом, эта пенсионная система не могла быть тяжелым бременем для бюджета.

На протяжении второй половины XX в. ситуация существенно менялась. Продолжительность жизни росла, а пенсионный возраст понижался — в какой-то момент они пересеклись. Росла численность городского населения, то есть тех, кто может претендовать на пенсию. Затем пенсионированием были охвачены и селяне (в СССР — в 1960-е годы). Дальше произошел поворот демографической пирамиды, в результате старшие возраста стали постепенно доминировать над младшими — число работающих уменьшалось, а пенсионеров — возрастало. В общем, демографические, социальные и экономические процессы привели к кризису традиционной пенсионной системы, характерной для XX в.

Еще одной особенностью современного общества выступает неоднозначное отношение самих граждан к перспективе ухода на пенсию. Если в прошлом большинство людей стремились перестать работать по достижении пенсионного возраста, то сейчас растут ряды тех, кто не хочет уходить на пенсию, а также тех, для кого получение

⁷ Дискуссия о пенсионном возрасте и стаже ведется в настоящее время практически во всех развитых странах. С точки зрения российских проблем интерес представляет опыт Франции последних пяти лет. Ф. Саркози провел решение о повышении пенсионного возраста с 60 до 63 лет (независимо от пола). Это вызвало общественное возмущение, и избранный в 2012 г. социалист Ф. Олланд предложил вернуть пенсионный возраст к 60 годам, однако только для рабочих, занятых тяжелым трудом и имеющих 41 год трудового стажа.

государственной пенсии вообще не актуально. К первым относятся государственные служащие, судьи, профессора и академики, которые постоянно борются за право работать сверх установленного предела. (Под их давлением правительство периодически вносит соответствующие изменения в законодательство⁸.) Растет число лиц свободных профессий, которые работают столько, сколько могут себе позволить, а по достижении преклонного возраста не рассчитывают прожить на государственную пенсию и формируют собственные индивидуальные пенсионные стратегии.

С учетом всех этих изменений нынешняя дискуссия о пенсионном возрасте выглядит искусственной. Если придерживаться логики «отцов-основателей» современного пенсионирования, то в настоящее время пенсионный возраст в развитых странах должен быть 90—95 лет, а в некоторых странах — и того выше. Политически это выглядит абсурдно, хотя финансово вполне обоснованно.

Иными словами, современное общество переросло пенсионную модель, разработанную применительно к условиям только возникавшей индустриальной экономики. Поиск современной новой пенсионной системы должен выйти за рамки дискуссии о возрасте; необходимо предложить принципиально другие решения, для которых проблема пенсионного возраста не имеет большого значения⁹. Долгосрочную пенсионную модель надо формировать на основе принципов, изложенных нами в начале этой статьи.

Современный человек может и должен сам строить свою жизненную стратегию, в том числе готовиться к старости. Он может копить деньги дома — под подушкой или в пенсионном фонде, инвестировать в супруга или в детей в надежде, что они не покинут его в старости. С тех пор как в России отменили уголовное преследование за тунеядство, за каждым человеком было признано право работать или не работать в любом возрасте.

Пенсионная стратегия будет все более индивидуальной, а в основе ее будут лежать четыре альтернативных способа организации жизни после ухода от активной трудовой деятельности. Во-первых, государственная пенсия (социальная и накопительная); во-вторых, частные пенсионные накопления, включая корпоративные пенсионные системы; в-третьих, вложения в недвижимость, на ренту от которой можно жить в старости (типичная пенсионная стратегия москвичей со средним достатком); наконец, в-четвертых, вложения в семью, которая в старости будет служить пожилому человеку опорой.

Экономический опыт и здравый смысл свидетельствуют, что ни один из перечисленных вариантов пенсионной стратегии не может

⁸ Последним примером такого рода была отмена предельного возраста для председателя Верховного суда РФ в мае 2012 г. Ранее аналогичные решения были приняты для председателя Конституционного суда, руководителей государственных академий наук и академических институтов.

⁹ Понимая условность этой аналогии, все-таки нельзя не заметить, что дискуссия о возрасте сродни обсуждению условий обращения с крепостными крестьянами (их гуманизации, ограничения прав на продажу крестьян помещиками), когда уже стоял вопрос о полном уничтожении этого института.

считаться абсолютно надежным. Рухнули казавшиеся устойчивыми государственные пенсионные системы социалистических стран. Финансовый кризис привел к большим потерям частных пенсионных фондов и хранившихся в них сбережений. Доходы от недвижимости также подвержены колебаниям, особенно в условиях экономического кризиса. Наконец, и семья не всегда оправдывает возлагаемые на нее надежды.

Таким образом, разумная пенсионная стратегия — это диверсификация, индивидуализация и приватизация. Человек сам сравнивает и оценивает риски, формирует индивидуальную стратегию, основанную на определенной комбинации четырех перечисленных вариантов, причем именно частные средства (сбережения) играют здесь определяющую роль (на них основаны три из четырех вариантов пенсионной стратегии).

Это не означает самоустранения государства. Оно должно обеспечивать и стимулировать прежде всего максимальное продление активной жизни человека, то есть делать упор на развитие здравоохранения, профилактику, пропаганду здорового образа жизни. Кроме того, государство должно страховать от инвалидности и очевидной бедности, помогая тем, кто без этой помощи не может обойтись. В конечном счете государство должно отвечать за поддержку неимущих и инвалидов, но это не проблема пенсионного возраста.

Самостоятельная тема — поддержка людей старших пенсионных возрастов, которым нужна помощь по организации жизни и уходу за ними, когда ее не может обеспечить семья. Здесь одними деньгами не обойтись — требуется организовать специальную службу, в чем и состоит важнейшая функция государства.

Против высказанных предложений можно привести немало контраргументов — от их негуманности до проблемы неспособности человека строить свою стратегию на много лет вперед. Все они должны быть предметом общественной дискуссии. И это гораздо более серьезная тема, чем вопрос о возрасте начала получения скудного государственного пособия.

Поэтому надо признать, что нынешняя дискуссия о пенсионной системе вообще и о пенсионном возрасте особенно — тупиковая. Нам не удастся продвинуться в ее решении, пока мы это не признаем и не посмотрим на проблемы пенсионирования под радикально новым углом зрения, осознавая реальные потребности современного человека и современного общества.

* * *

Из наших рассуждений следует достаточно простой вывод. Отрасли развития человеческого потенциала становятся несомненным национальным приоритетом для страны. Однако этот приоритет состоит не в усиленном финансировании этих секторов, а в проведении в них серьезных структурных реформ, соответствующих вызовам и принципам XXI века.

Список литературы

- Агранович М. Л. и др.* (2010). Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. М.: Логос. [Agranovich M. L. et al. (2010). Internationalization of Higher Education: Trends, Strategies, Future Scenarios. Moscow: Logos.]
- Беляков С. А. и др.* (2011). Экспорт образовательных услуг: анализ управленческих решений. М.: Дело. [Belyakov S. A. et al. (2011). Exports of Educational Services: An Analysis of Managerial Decisions. Moscow: Delo.]
- Гайдар Е. Т.* (1997). Аномалии экономического роста. М.: Евразия. [Gaidar E. T. (1997). Anomalies of Economic Growth. Moscow: Eurasia.]
- Гайдар Е. Т.* (2005). Долгое время. М.: Дело. [Gaidar E. T. (2005). A Long Time. Moscow: Delo]
- Галичин В. А. и др.* (2009). Академическая мобильность в условиях интернационализации образования. М.: Университетская книга. [Galichin V. A. et al. (2009). Academic Mobility in the Internationalization of Education. Moscow: Universitetskaya Kniga.]
- Зиберт Х.* (2003). Эффект кобры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. [Siebert H. (2003). The Effect of a Cobra. St. Petersburg: St. Petersburg University of Economics and Finance.]
- Шишкин С. В. и др.* (2004). Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет. М.: Изд. дом ВШЭ. [Shishkin S. V. et al. (2004). The Russian Health Care: Payment in Cash. Moscow: HSE.]
- Gerschenkron A.* (1962). Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, Mass: The Belknap Press of Harvard University Press.

Human Capital: Challenges for Russia

Vladimir Mau

Author affiliation: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). Email: rector@rane.ru.

Education, healthcare and pension system are the key sources of modern economic growth. They need profound transformation based on post-industrial challenges. The new principles of transformation of these sectors include individualization of services, their privatization (a rising role of private spending), life-long demand for them, globalization (international competition), and development of radically new technologies to provide them.

Keywords: human capital, education, healthcare, pension system, social and economic policy.

JEL: E24, G23, H75, I15, I18, I25, I28.